

Как написать оперу

НАШ СОБЕСЕДНИК — КОМПОЗИТОР ГЕННАДИЙ ГЛАДКОВ

С момента выхода на экраны мультфильма «Бременские музыканты» — а было это более полутора десятков лет назад — и вплоть до сегодняшнего дня имя Геннадия Гладкова неизменно в числе самых популярных. Он автор мюзиклов, оперетт, музыки ко многим кино-, теле- и мультфильмам, театральным спектаклям. В чем секрет притягательности его музыки для самых широких слоев слушателей? Прежде всего, думается, в том, что композитор почувствовал живую в душе современного человека, несмотря на присутствие нашему времени некоторый рационализм и перенасыщенность информацией, потребность в лирике. В музыке Гладкова — особая щедрость мелодического дара, эмоциональная насыщенность, зажигательный темперамент, жизнеутверждающее мироощущение, современные интонации и ритмика.

Недавно в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера оперы Г. Гладкова «Старший сын» по пьесе А. Вампилова. И естественно, что первый вопрос был о последней работе.

— Вашу музыку принято относить к так называемой «легкой». Поэтому ваше обращение к опере для многих было неожиданным. А было ли неожиданным и для вас самого?

— В принципе подбирался к этому уже давно. Еще в аспирантуре пробовал писать оперу, но эта работа не была завершена. В замечательной пьесе А. Вампилова, в которой переплетено веселое и трагическое, жестокое и доброе, я почувствовал множество возможностей для музыки. Впервые же я столкнулся с этой пьесой, когда ее поставил Ленинградский театр имени Ленинского комсомола с моей музыкой, подобранной из других произведений. Этот спектакль меня поразили и растрогал, я загорелся темой. Потом много раз читал пьесу, смотрел телефильм и все думал: как это выразить музыкой? Лет пять никак не мог решиться приступить к этой работе, пока, наконец, либреттист Ю. Михайлов, с которым мы давно работаем вместе, понимаем друг друга с полуслова, не сумел найти тот эквивалент пьесе, о котором я мечтал. Работа пошла быстро: от первой нарисованной ноты до законченной партитуры прошло десять месяцев.

Речь в опере идет о человеческих взаимоотношениях, о любви как наиболее ярком проявлении чувств. Это спектакль о сохранении душевной молодости и чистоты, о тонких струнах души, которые нельзя обрывать.

Основной моей задачей было приблизиться к тому идеалу, к той музыке, которые заложены в произведении Вампилова.

По жанру это традиционная лирико-комическая опера. В то же время сюда вкраплены песен-

ные элементы, элементы мюзикла, зонг-оперы. Я не очень сдерживал себя в каких-то жанровых рамках и довольно свободно шел за основной мыслью.

— Геннадий Игоревич, вы говорите, что давно думали об опере. А каковы ваши пристрастия в этом жанре и вообще в вокальной музыке?

— Люблю всю оперную классику, и русскую, и итальянскую, и так далее. Из современной оперы ближе всего «Порги и Бесс» Гершвина. Привлекает меня и рок-опера, особенно интересны работы А. Рыбникова. А самая близкая для меня музыкальная душа — Георгий Свиридов, которого я считаю идеалом в вокальной музыке. Я знаю все его произведения и глубоко преклоняюсь перед ним. Это композитор образцовый во всех отношениях.

— Ну, а что вы особенно цените в композиторе?

— Главное — внутреннее духовное горение. Одни композиторы используют простые средства, другие — более сложные, но если автор лишен внутреннего эмоционального накала, остроты чувств, то все средства остаются холодными, не взволнуют слушателя. Всегда очень эмоционален, при всей своей сложности, Бриттен. Именно благодаря этим качествам воздействует на душевные струны Прокофьев.

— Вы говорите «воздействует на душевные струны». А в чем, по-вашему, цель такого проникновения в глубь человеческой души, да и вообще цель музыки?

— По-моему, задача музыки, как и всех других искусств, всегда была одна: пробуждать самые светлые стороны, самые лучшие черты в человеке и в то же время испепелять все злое

и отрицательное. Музыка — искусство, имеющее в своей основе идеал света. Композиторов, чье творчество пессимистично, очень мало. Композитор, по сути своей, певец добра.

— Геннадий Игоревич, возвратимся к опере. Вы пришли в нее, так сказать, со стороны. Какими вам видятся основные проблемы, стоящие сегодня перед этим жанром?

— Мне кажется, что сегодняшняя опера непременно должна вбирать в себя все лучшее, чего добились другие жанры. Это касается и режиссуры, и актерского мастерства. Композиторы, на мой взгляд, не должны считать для себя зазорным обращаться к звучащему сейчас мелосу. Ведь во все времена музыканты использовали современные бытовые пласты. И, конечно, композиторы не могут проходить мимо острых тем современности. Нельзя отмахиваться от этих проблем и уходить в лабораторные языки, тем более в таком демократическом жанре, как опера. Штамплы в оперном искусстве тормозят его развитие. Зритель не только хочет слышать на оперной сцене излюбленные мелодии и красивые голоса (хотя и это безусловно), его все больше интересует смысл происходящего на сцене. А это значит, нужно больше внимания уделять пластике, внешнему виду актера, взаимодействию партнеров.

— Ведь опера — это прежде всего театр...

— Конечно. В записи несценичность певца мне не мешает, но в театре я должен верить всему происходящему, а не слушать с закрытыми глазами.

— Каким, на ваш взгляд, должно быть соотношение между «серьезной» и «легкой» музыкой?

— Мое глубокое убеждение, что между этими жанрами не должно быть глухой стены: они должны сообщаться. Многие серьезные композиторы увлеклись легкой музыкой: например, Рахманинов и Чайковский любили цыганские романсы. Многие композиторы поддерживали поиски Гершвина в соединении серьезной музыки с джазом. Мне кажется, что настоящий музыкант должен в своем творчестве соединять эти жанры.

— В ваших произведениях встречается и другое сочетание: лирики с номерами типа «А бабочка крылышками...»

— Светлому и высокому необходимо соизмерение, и поэтому хочется противопоставить ему сатирическую, ироническую интонацию. У меня есть такие нарочитые номера, призванные обличать пошлость, но порой какая-то часть публики воспринимает их всерьез, и это меня пугает. Недавно Андрей Миронов говорил, что его иногда упрекают в исполнении легкомысленных песенок, не замечая актерской иронии. Он правильно сказал: «Не могу же я перед ними выйти и сказать: «Товарищи, сейчас я буду иронизировать!» Точно так же и я не могу заранее предупредить слушателей: сейчас я буду пародировать, «убивать» такой-то жанр!

— Геннадий Игоревич, вы заговорили о публике. А к какой аудитории вы обращаете свои произведения? Есть ли какие-то особые черты у московской публики?

— Я обращаюсь к человеку, наделенному чувством юмора, добром, способному сострадать другому человеку, у которого под маской весельчака может скрываться очень трепетная, лирическая душа. Такова большая часть наших слушателей — молодежь и те пожилые люди, которые не состарились душой. И, конечно же, это дети.

Москвичи — это очень изощренная аудитория, она много знает, много слышит. И в то же время ей свойственна большая теплота, та непосредственность, которая уравнивает ее придрочивость. Москвичи умеют и оценить по достоинству, и тепло принять. Я ведь и сам коренной москвич, здесь родился, учился и постоянно живу.

— Немного о ближайших планах.

— В ближайшее время начну работу над балетом «12 стульев». В Театре имени Ленинского комсомола только что вышел спектакль «Дорогая Памела» с моей музыкой. Буду продолжать работу в кино, в том числе и для мультфильмов.

А. МОРОЗОВ.